

ПОСЛЕДНИЙ декабрь прошлого столетия... Володе Маяковскому шесть с половиной лет. Накануне нового века в Багдади долго шел снег, сильно похолодало. Отец запретил мальчику появляться во дворе, и Володя, примостившись у обеденного стола, рисовал акварелью. С тех пор в семье Маяковских явилось средство успокоить шалуна: с цветными карандашами, красками и листом бумаги его «не слышно».

Каким счастьем было бы отыскать рисование Володи Маяковского в Багдади, в Кутаиси!.. Увы, карандашные листы, акварели, выжигания по дереву не сохранились. Но есть свидетельство, что художнический талант находил у мальчика еще живописец Краснуха, ученик Репина по Петербургской академии художеств, ставший учителем рисования в Кутаисской гимназии, где Маяковский проходил в первые классы.

Сохранилась фотография кутаисского гимназиста Володи Маяковского: бархатный кареюкий взгляд, лицо напоминает чертами детей Рафаэля — оно будто бы обращено к тебе, а смотрит в себя, в таинственные глубины своего существа...

Выйдя из одиночной камеры № 103 Бутырской тюрьмы, Маяковский говорит своей матери, что теперь он намерен «заняться живописью и делать социалистическое искусство». Ему было тогда 16 лет.

МАЯКОВСКИЙ — художник видится мне в ряду титанов мирового искусства: его разнообразнейшее по видам, охватывающее, кажется, все жанры и формы изобразительное творчество, гениальная свобода и мастерство в каждом из его произведений, его понимание вершин и ненависть к пошлости тусклоглазого псевдоискусства делают бесспорным право Маяковского быть в этом ряду.

Первые годы его юности — время, когда он занимался в Московском училище живописи и писал дивные портреты. Их малая, малейшая часть сохранилась в музее Маяковского. Эти портреты заставляют вспомнить Врубеля, Сомова, «голубого» Пикассо. В училище Маяковский занимается со страстью, его замечают. Именно ему поручено произнести прощальное слово над гробом профессора Валентина Александровича Серова. Речь не сохранилась — Маяковский не писал заранее своих выступлений. Однако присутствовавшие свидетельствуют, что Маяковский — и отныне это его постоянная те-

ма — говорил о классике и новаторстве. Цитирую одну из тогдашних газет: «...от имени учеников фигурного класса говорил живописец Маяковский. И указав на тяжелые потери, которые понесло русское искусство за последние пять лет в лице Мусатова, Врубеля и, наконец, В. А. Серова, высказался в том смысле, что лучшее чествование светлой памяти покойного — следование его заветам».

И вот уже не мальчик, не подросток, а перешагнувший

И ПЕРОМ, И КИСТЬЮ

Заметки о Маяковском-художнике

за двадцать Маяковский, будто бы расставшийся с изобразительным творчеством ради поэзии, встречается с Репиным на даче у Корнея Чуковского. Маяковский близок с теми, кого Репин презрительно именовал «футурней», и Чуковский боится, что это свидание кончится скандалом. Но кончилось оно взаимной любовью. Корней Иванович вспоминал: «На прощание Репин сказал Маяковскому:

— Уж вы на меня не сердитесь, но, честное слово, какой же вы, к чертям, футурист!..

Когда Репин... увидел... рисунки Маяковского, он еще настойчивее высказал то же суждение:

— Самый матерый реалист. От натуры ни на шаг, и... чертовски уловлен характер».

Сегодня литературоведы находят корни стиха Маяковского в русской поэзии XVIII столетия. Поразительно: в произведениях изобразительного искусства, созданных Маяковским, мы тоже найдем корни XVIII столетия. Все помнят окна РОСТА. Но ведь с чем же и сравнить их, как не с лубком? Лубок часто состоял из картинок «диапозитивов», проносящиеся в них называлось яркой поэтической строкой. Маяковский именвал дерзкие строки «словоновществом». Он соединял в окнах РОСТА свои дарования художника и поэта, будил в зрителе и читателе свежесть восприятия, обращал его к истоку. «Воспаленной губой припади и попей из реки по имени — «Факт».

МАЯКОВСКИЙ обладал цветным слухом. Шум дерева

он воспринимал зеленым, детское пение — белым, музыка иногда мучила его багрово-коричневыми тонами. Слышал — цветно, видел — обаятельно. В «Приказе № 2 по армии искусств» он пишет: «Мастера... они нужны, чтоб форму дать вещам». А рассказывая о работе над окнами РОСТА, уточняет: «Это — протокольная запись труднейшего трехлетия революционной борьбы, переданная пятнами красок».

Заряд революционной одержимости Маяковского — не статичен: он передавался современникам и не иссяк.

Берет у него и наше время. Станет брать следующее тысячелетие. Позимствовать у Маяковского не получится, не унесешь. А учишься у него всякий. Если можешь!

Через 20 с лишним лет после 14 апреля 1930 года французский художник Фернан Леже создал свой знаменитый лист «Памяти Маяковского». Это графика. Лист изрисован изображением рук — сжимающий кулаки «атакующий класс», руки влюбленного юноши, руки, отдыхающие от тяжелой работы, руки прощающиеся... Принято считать, что, обратившись к рукам — этому труднейшему для художника предмету изображения, — Фернан Леже выразил скорбь о Маяковском. Но можно читать этот лист иначе — историей жизни Маяковского, историей его искусства, его борьбы. Леже ввел в рисунок несколько слов: «Он — на дороге. Он — идет».

И это — правда. Ее подтверждает жизнь

Александра ПИСТУНОВА.